
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ

ББК 60.561.1

Е. В. Базуева

ВЛАСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Гендерная экономика как направление экономической науки начала формироваться в течение двух-трех последних десятилетий. Она исследует с помощью инструментария экономической теории динамику гендерных процессов и явлений, изменяющихся под воздействием системы формальных и неформальных правил, регулирующих принятие решений, деятельность и взаимодействие экономических агентов и распределение результатов экономической деятельности между ними, анализирует издержки воспроизводства гендерной асимметрии на всех уровнях экономики, значительно снижающие эффективность ее функционирования, и определяет траектории оптимизации действующего институционального механизма обеспечения гендерного равенства.

В настоящее время наиболее разработаны с учетом гендерной методологии положения марксистского и неоклассического направлений фундаментальной экономической теории, однако практически не используются достижения институциональной экономики, особенно такого ее направления, как экономика власти. Между тем категория власти всегда рассматривалась в качестве ключевой в феминистских исследованиях, которые стали базисом для формирования методологии гендерной экономики. В них она озвучивается в терминах патриархата, под которым понимается господство мужчин над женщинами, т. е. система гендерных отношений, в которой мужчина является субъектом власти, а женщина — объектом [1, с. 170—171]. Данная трактовка гендерной власти традиционна и выступает следствием политической теории развития нашего общества в период XVII — начала XX в. При этом заметим, что у представителей разных направлений феминизма ракурс изучения отношений власти был различен (см. подробнее: [2]). Так, например, представители либерального феминизма считали, что внедрение института формального равенства через систему государственных институтов власти способно устранить гендерно иерархизированное устройство общества. Социал-феминисты акцентировали внимание только на анализе экономических предпосылок возникновения властных отношений. Представители психоаналитического феминизма концентрировали внимание на внутренней динамике психики и психосексуальной обуслов-

ленности гендерной власти. Радикальные феминистки подчеркивали значимость биологических различий мужчин и женщин в системе гендерной власти. И наконец, направление постмодернистского феминизма (постфеминизма) определяет власть как практику телесной нормализации субъективности.

Однако, во-первых, власть мужчин теоретиками феминистских исследований рассматривалась только как внешнее воздействие, не имеющее внутренних форм проявления.

Во-вторых, причины, обозначенные представителями феминизма, вторичны и воспроизводят уже закрепленную систему властных отношений. Говоря на языке экономической теории, речь идет об институтах гендерной власти, которые ограничивают рамки гендерного поведения индивидов. Следовательно, ни одно из направлений феминизма не изучает генезис формирования властных отношений в сфере гендерной экономики, а констатирует уже сформировавшиеся гендерные формы властного воздействия.

В-третьих, ни одним из направлений феминизма не были проработаны связанные с властными отношениями издержки у женщин и выгоды у мужчин, их влияние на эффективность функционирования экономики и общества.

В-четвертых, механизмы оптимизации системы гендерного неравенства, предложенные представителями различных школ феминизма, не выходят за рамки патриархатной методологии исследования.

В-пятых, представители разных направлений феминизма не рассматривают комплексно предпосылки, причины и формы оптимизации гендерно властного воздействия.

В целом можно констатировать, что концептуальные дискуссии о системе гендерной власти находятся за пределами основной проблематики теоретиков феминизма. Кроме того, они не могут дать ответа на следующие вопросы: почему именно женщины подвергаются властным воздействиям? в чем первопричина гендерной несправедливости в распределении властных ресурсов? можно ли ее каким-то образом гендерно оптимизировать?

На наш взгляд, ответить на поставленные выше вопросы можно, учитывая накопленный в экономической теории опыт и инструментарий исследования отношений экономической власти. Для этого представляется целесообразным использовать поведенческую модель теории власти, разработанную В. В. Дементьевым. Для начала напомним ее исходные постулаты.

— агенты экономической системы (стороны взаимодействия) рассматриваются с позиции стандартной неоклассической теории, т. е. основой их поведения является рациональный выбор, направленный на максимизацию индивидуальной полезности в рамках заданных ограничений;

— экономическая среда, в которой действуют рациональные агенты, характеризуется следующими особенностями: а) взаимодействующих агентов множество; б) все ресурсы, используемые агентами, ограничены; в) каждый из агентов обладает определенными ресурсами для воздействия на максимизацию индивидуальной полезности другого; г) природные, естественные или технологические препятствия, ограничивающие доступ каждого из членов множества к любому из ресурсов, отсутствуют;

— экономические агенты, вступающие во взаимодействие, не равны между собой по тем или иным параметрам, которые используются для максимизации собственной индивидуальной выгоды.

При наличии таких предпосылок, уточняет В. В. Дементьев, степень реализации индивидуальной функции полезности каждого экономического агента зависит от того, каким образом используются ресурсы, принадлежащие другим экономическим агентам нашего множества. Эта зависимость имеет две стороны: ресурсы, которыми обладают экономические агенты, могут выступать по отношению друг к другу источником выгоды или являться причиной ущерба (потери полезности), т. е. оказывать как положительное, так и отрицательное влияние [6, с. 75]. В связи с этим возникает ряд вопросов. Каким образом доминирующий агент (в нашем случае мужчина) подчиняет себе поведение другого агента (в нашем случае женщины)? Почему именно женщины выступают в роли объекта власти, а мужчины — в роли субъекта власти?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо в неоинституциональную модель поведения экономических агентов к трансформационным и трансакционным издержкам добавить издержки, связанные с наличием элементов власти в трансакциях между ними. В. В. Дементьев выделяет два вида таких издержек: подчинения и отказа [6, с. 76—80].

Под первыми понимаются издержки, которые несет управляемый агент при подчинении его ресурсов субъекту власти, их результатом является создание полезности для другого агента. Издержки подчинения могут быть двух видов: 1) явные, которые несет объект власти при использовании своих ресурсов для максимизации функции полезности субъекта власти; 2) скрытые (т. е. вмененные издержки), представляющие собой упущенную объектом власти выгоду вследствие отказа от альтернативных подчинению действий и отвлечения собственных ресурсов на внешние цели. Издержки подчинения имеют аспекты количественный (выражающийся в величине прямых или скрытых издержек, которые несет объект власти) и качественный (характеризующийся тем, в какой целесообразной форме данные издержки выступают).

Возникает вопрос: почему рациональный агент, выступающий в роли объекта власти (в нашем исследовании им является женщина), соглашается нести издержки в пользу другого агента? Исходя из предпосылок рациональности поведения агентов, использование своих ресурсов в пользу субъекта власти и наличие издержек подчинения должны максимизировать собственную выгоду объекта власти. Следовательно, чтобы подчинить агента, субъект власти должен изменить для него соотношение издержек и выгод альтернативных вариантов поведения (подчинения или отказа от подчинения). Для этого субъект власти должен создать для объекта власти дополнительные издержки, которых не существовало «до» власти и которые он вынужден будет нести в случае отказа от подчинения ему своих ресурсов или вследствие использования управляемым агентом собственных ресурсов в ущерб управляющему агенту. Данный вид издержек В. В. Дементьев обозначает как издержки отказа. Создание издержек отказа для контрагента возможно двумя способами: 1) в форме упущенной полезности (выгоды) вследствие отсутствия доступа к ресурсам субъекта власти; 2) в виде прямых издержек (потерь) в форме изъятий ресурсов управляемого

агента (ущерба для него) или ограничений доступа к их использованию. Таким образом, в результате формирования издержек отказа независимая от субъекта власти деятельность становится неэффективной, поскольку при отказе от подчинения величина издержек единицы полезности возрастает для управляемого агента настолько, что превышает величину издержек, необходимую для присвоения единицы полезности при подчинении субъекту власти.

Заметим, что в данном случае «речь идет не об издержках, необходимых для производства единицы блага, а об издержках, необходимых для присвоения единицы полезности (блага, дохода). В отличие от издержек производства, величина которых, в конечном счете, определяется законами природы и уровнем развития технологии, данные издержки имеют социальную природу в том смысле, что их величина определяется социальными силами — характером взаимодействия между людьми. Так, например, можно присваивать блага, вообще не неся никаких издержек по их производству. Принятие предпосылок неравенства и ограниченной добровольности (принудительности) в обмене имеет следствием признание принципиального отклонения величины издержек, необходимых для присвоения блага, от величины издержек по его производству» [6, с. 77].

Таким образом, для создания возможности властных воздействий субъект власти (в нашем случае мужчина) должен создать издержки отказа для объекта власти (в нашем случае женщина), которые формируют издержки подчинения, связанные с созданием полезности для управляющего агента при использовании ресурсов контрагента. Если бы, отмечает В. В. Дементьев, «следование целям и интересам внешнего субъекта не предполагало бы для объекта власти никаких издержек, то проблемы власти (а значит, и гендерной асимметрии) не существовало бы, как не существовало бы проблемы подчинения одного человека другим». Это является внешним признаком власти: «человека заставляют делать то, чему индивид сопротивляется, чего не желает делать». Такие изменения в содержании и результатах поведения экономических агентов при наличии власти по сравнению с ее отсутствием выражаются в следующем [6, с. 87—88]:

1) изменении соотношения издержек и выгод альтернативных вариантов экономического поведения, т. е. происходит «сдвиг издержек»;

2) изменении мотивации экономического агента к альтернативным вариантам поведения, т. к. одни виды экономического поведения становятся «выгодными» для объекта или субъекта власти, а другие перестают быть эффективными с точки зрения максимизации функции полезности;

3) изменении распределения ресурсов между сторонами властного отношения, т. е. ресурсы, находящиеся под контролем объекта власти, переходят под контроль ее субъекта, объект власти, в свою очередь, может получать доступ к ресурсам ее субъекта;

4) изменении целей, на достижение которых направлена деятельность экономических агентов;

5) несбалансированном производстве благ (перепроизводстве одних и недопроизводстве других).

Таким образом, результатом проявления властных воздействий выступает наличие гендерной асимметрии во всех сферах жизнедеятельности мужчин и женщин, которая изменяет их функции полезности следующим образом: женщины за доступ к ресурсам, которые контролируются мужчинами, несут издержки и предоставляют в обмен мужчинам собственные ресурсы. В итоге субъект власти (мужчина) получает в обмен на свои ресурсы больше, чем они «стоят» в условиях отсутствия властных воздействий, т. е. меньше, чем предельные издержки на их создание (ренту власти). В свою очередь, объект власти (женщина) получает меньше, чем «стоят» его ресурсы в условиях совершенной конкуренции, т. е. меньше стоимости (цены) предельного продукта, созданного этими ресурсами.

Почему стало возможным возникновение данного вида неэквивалентного обмена ресурсами между мужчинами и женщинами? Что является основой возникновения властных воздействий, а значит, предпосылкой формирования издержек по отношению к объекту власти? В. В. Дементьев, так же как и теоретики феминизма, считает первопричиной возникновения власти асимметрию (неравенство) в распределении ресурсов между взаимодействующими агентами (табл. 1).

Таблица подтверждает, что все формы неравенства в распределении ресурсов проявляются в гендерном взаимодействии агентов, причем каждая из них способствует дальнейшему воспроизводству гендерной власти. Почему ресурсы мужчин стали ресурсами власти для женщин? Напомним, что ранее у объекта власти (женщин) отсутствовали возможности получить интересующие их ресурсы иначе, чем вне обмена и подчинения данному субъекту (мужу). Только через мужа женщина могла удовлетворять свои потребности в различных видах ресурсов общества, т. к. другие экономические агенты, обладающие равнозначным ресурсом, отсутствовали. В обмен на доступ к ресурсам общества через посредников женщина могла предоставить только один ресурс, который у нее был в наличии, — свое тело. По этому поводу Ш. П. Гилман писала, что «женщина, подобно животному, ориентирована лишь на сексуальные отношения, поскольку они были для нее одновременно и экономическими — исключение ее из производства подразумевало возможность выживания за счет ее способности привлечь супруга» (см.: [4, с. 119]). Заметим, что российскими гендерологами данный ресурс женщин даже рассматривается в качестве их властного потенциала в современном обществе («власть слабых») [7]. Однако с позиции теории экономической власти данный вид обмена не проявление властных воздействий, т. к., во-первых, женщины предоставляют свои ресурсы в обмен на доступ к ресурсам, который для них как объектов власти ограничен; во-вторых, значимость властных потенциалов ресурсов женщин и мужчин для экономических агентов существенно различается. Более того, согласимся с А. А. Темкиной и Е. А. Здравомысловой, данное разделение видов властных воздействий мужчин и женщин будет и далее воспроизводить патриархатную систему взаимодействия между ними. Поэтому «для достижения идеала гендерного равенства» речь должна идти, по нашему мнению, не о «разрушении скрытой власти женщин» и не «о росте публичной власти женщин» [7], а о перераспределении издержек подчинения и ренты власти между мужчинами и женщинами.

Гендерные аспекты экономики

Таблица 1

Гендерная асимметрия в распределении экономических ресурсов

Формы неравенства между агентами экономической системы	Гендерная характеристика форм неравенства между агентами экономической системы
Неравенство в степени монополизации собственности на данное благо	Все ресурсы общества до XX в. были монополизированы мужчинами. В результате приватизации в России собственность на средства производства была сосредоточена в руках мужчин
Неравная эластичность спроса на ресурсы, которыми обладают стороны властного отношения	Рентабельность капитала образования у мужчин значительно выше, чем у женщин. Наличие заболевания снижает заработную плату на 27,7 % для мужчин и 42% для женщин
Неравная значимость ресурсов, которыми обладают стороны обмена	Значимость ресурсов мужчин обществом всегда оценивалась значительно выше, чем ресурсов женщин
Неравная величина издержек для сторон обмена, связанных с «выходом» из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников блага	Женщины более зависимы от мужчин и семьи, следовательно, величина издержек, связанная с поиском альтернативных источников блага, у них значительно выше
Неравновесие между спросом и предложением на конкурентном рынке	Неравные позиции мужчин и женщин на брачном рынке приводят к тому, что женщины изначально выбирают мужчин «более низкого качества», т. к. считают, что лучшие партнеры для них недоступны [3, с. 381—398]
Асимметричный характер в распределении специфических ресурсов*	Согласно неоклассической теории, женщины должны специализироваться на накоплении специфического семейного капитала, а мужчины — рыночного. В дальнейшем это приведет к тому, что перебросить инвестиции на накопление рыночного капитала для женщин станет практически невозможно, т. к. их конкурентоспособность на рынке труда будет значительно ниже, чем у мужчин
Асимметрия покупательной способности экономических агентов	Доходы женщин в среднем на 36 % ниже, чем мужчин, следовательно, ниже и уровень их покупательной способности
Неравнозначный доступ к ресурсам принуждения или насилия (государственным или частным)	Представительство женщин в органах государственной власти составляет менее 10 %, среди руководителей крупных предприятий женщин не более 5 %

* Специфические ресурсы — это ресурсы, которые «будучи раз задействованы <...> уже не могут без потери в своей ценности быть переброшены на альтернативные варианты использования» [14, с. 186].

При этом заметим, что, конечно, представленная иерархия властных потенциалов подвижна и отражает общее состояние условий производства. Изменение этих условий влечет за собой изменение роли и значения различных ресурсов власти. «Власть в экономике, — пишет Дж. К. Гэлбрейт, — некогда была основана на владении землей, затем она перешла к капиталу, и наконец, в наше время источником власти служит тот сплав знаний и опыта, который представляет техноструктура» [5, с. 186]. Исходя из этого, в процессе исторического развития изменялись и формы властного воздействия мужчин на женщин. Известно, что вплоть до XX в. основной формой воздействия мужчин на женщин была власть, основанная на насилии. Об этом свидетельствуют разнообразные источники: пословицы и поговорки, рукописи, дневники, произведения художественной литературы, труды ученых и др. К объекту власти при властном воздействии, основанном на насилии, могут быть применены формы как физического принуждения, так и психологического, на основе возможностей проявления которых формируются издержки отказа для объекта власти. В результате, чтобы не быть «наказанным» (подвергнутым физическим страданиям), объект власти вынужден подчиняться субъекту властных отношений, т. е. «власть представляет собой уже не добровольный обмен ресурсами, а принудительное (под угрозой насилия) перераспределение ресурсов объекта власти в пользу ее субъекта» [6, с. 102]. Подчеркнем, что данный вид власти, как отмечает Э. Тоффлер, является самым низкокачественным. «Насилие порождает сопротивление. Жертвы и уцелевшие ждут первого удобного случая, чтобы нанести ответный удар. Главная слабость грубой силы кроется в ее абсолютной негибкости. Поэтому насилие может быть использовано лишь для наказания» [13, с. 37].

Неслучайно в процессе общественного развития возникают другие виды властного воздействия на объект власти (женщин). Я. Ханмер подчеркивает: «То, что многие мужья не избивают своих жен <...> доказывает не то, что избивание жены и другие виды насилия являются нерегулярной, несистематической практикой <...> но просто то, что необязательно делать это, чтобы обеспечить привилегии вышестоящей группы» (см.: [4, с. 226]). Х. Арендт замечает, что «власть либо держится на согласии, либо насаждается насильственно» (см.: [8, с. 35]). Власть, которая «держится на согласии», в соответствии с теорией власти В. В. Дементьева обозначим как власть, основанную на обмене. Как в первом виде власти (основанной на насилии), так и во втором, уточняет В. В. Дементьев, добровольность обмена не предполагается. Во власти, основанной на обмене, «отношение власти внешне принимает форму добровольного и взаимовыгодного обмена между объектом и субъектом власти, однако за внешней видимостью добровольности и равенства обмена скрываются неравенство позиций и принуждение к обмену». Как отмечалось выше, «суть принуждения заключается в том, что отказ от обмена (в той форме и на тех условиях, которые устраивают субъекта власти), как и отказ от подчинения, влечет за собой такие издержки (потери) для объекта власти, которых он не может избежать, выбрав альтернативный вариант получения значимого блага (т. е. альтернативный вариант обмена — вне подчинения). Таким образом, объект власти вынужден совершать обмен на условиях субъекта» [6, с. 96].

Таблица 2

Сущностная характеристика видов гендерной власти*

Виды гендерной власти	Характер гендерной власти	Формы ограничения свободы выбора	Приоритетные формы проявления власти	Санкции для объекта власти (издержки отказа) в случае нарушения диспозиции власти	Экстерналии гендерной власти для ее субъекта (мужчин)
Власть, основанная на насилии	Принудительное перераспределение ресурсов	Явная — физическое насилие	Контроль над использованием ресурсов	Отчуждение ресурсов (благ). Потеря части доходов или имущества в результате изъятий со стороны субъекта власти	Преднамеренные — получение прямой ренты власти, т. е. разницы между издержками субъекта власти на применение насилия по отношению к ее объекту и «ценой» последствий его применения для объекта власти, а также «ценой» (т. е. величиной издержек подчинения), которую готов «заплатить» этот объект, чтобы избежать насилия
		Скрытая — психологическое принуждение	Контроль над поведением (принятием решений)	Выполнение объектом власти действий или соблюдение им норм поведения, представляющих интерес для ее субъекта. Подавление мотивации к действиям, альтернативным подчинению субъекту власти	Непреднамеренные — получение дополнительного полезного (доминирующего) эффекта в виде модификации результатов деятельности объекта власти
Власть, основанная на обмене	Внешне добровольный обмен ресурсами	Явная — адресные команды	Контроль над экономическими процессами при определенном использовании ресурсов экономическими агентами	Ограничение доступа к благам. Использование собственных ресурсов для создания благ, представляющих интерес для субъекта власти	Преднамеренные — получение ренты власти, возможности выхода за ограниченные рамки собственных ресурсов, трансформации состава и структуры реальных целей, к достижению которых стремится субъект, максимизирующий собственную выгоду
		Скрытая — наличие издержек	Контроль над интересами и мотивацией	Изменение условий выбора (величины издержек альтернативных вариантов поведения)	Непреднамеренные — получение дополнительного полезного (доминирующего) эффекта в виде модификации структуры целей и мотивации объекта власти

* Сост. по: [6, с. 93—141].

Сущностная характеристика двух видов властного воздействия представлена в табл. 2. Указанные формы власти 1) дополняют друг друга; 2) в зависимости от исторических и экономических условий обладают своего рода сравнительными преимуществами; 3) являются своеобразными субститутами власти. Современному периоду развития общества наиболее адекватен второй вид гендерной власти. Хотя, как показывают качественные исследования социологов, власть, основанная на насилии, продолжает воспроизводиться в регионах России. Причем в некоторых из них, например Чеченской республике, в крайних формах.

Кроме того, независимо от вида и форм (явные и скрытые) издержек отказа, все они направлены на ограничение свободы и возникновение зависимости экономического агента, являющегося объектом власти (в нашем случае это женщина), от ее субъекта (мужчины). Таким образом, оба вида гендерной власти выступают в качестве прямой противоположности свободы, т. е. как факторы, ограничивающие самостоятельность выбора женщин. Неслучайно лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г. А. Сен в качестве одного из восьми ограничителей свободы выделил повсеместную недооценку и угнетение женщин и обозначил преодоление данной и других форм несвободы в качестве основной цели процесса современного развития общества [12, с. 15—16].

И наконец, экстерналии власти биполярны: у мужчин они имеют положительный внешний эффект, а у женщин — отрицательный, который проявляется в применении к ним санкций в случае отказа от подчинения. Следовательно, при выборе вариантов поведения женщины должны учитывать и сопоставлять издержки, связанные с подчинением собственных ресурсов интересам внешнего экономического агента (т. е. субъекта власти), и альтернативные издержки, возникающие при неподчинении.

Подчеркнем далее, что для возникновения определенной формы власти одного экономического агента над другим только асимметрии ресурсов недостаточно. В. В. Дементьев пишет, что еще необходима система правил (институциональная среда), в рамках которой, используя асимметрию, можно установить власть над контрагентом. Именно «институциональная среда определяет границы, в которых становятся возможными и осуществляются единичные отношения власти» [6, с. 165]. Исходя из этого, для того чтобы установить гендерно асимметричные отношения, было недостаточно создания неравного обмена ресурсами между мужчиной и женщиной в семье, нужно было закрепить соответствующие институциональные роли в «действующем коллективном институте» через систему законодательных актов, контрактов и неформальных правил, регулирующих взаимоотношения между агентами экономической системы.

На современном этапе развития общества действует разветвленная система принуждения к соблюдению «гендерной субординации», которая традиционно основана на внешних формах контроля со стороны одного экономического агента (мужчины), социальных групп, организаций и государства. Например, мужчины посредством системы неформальных соглашений продолжают контролировать такие области жизнедеятельности, как разделение труда в домохозяйстве, тип семьи, сфера профессиональной деятельности, применяя в случае несоответствия действий женщин диспозиции власти санкции в виде отчуждения ресурсов (благ), потери части доходов или имущества в результате

изъятий со стороны мужчин, подавления мотивации к действиям, альтернативным подчинению мужчинам, изменения условий выбора (величины издержек альтернативных вариантов поведения) и др. Социальной группой воспроизводятся моральные и этические нормы, принятые в ней так называемые гендерные стереотипы поведения, в случае несоответствия которым члены группы могут применять санкции в виде общественного осуждения. Внутренние правила организации в виде неформальных соглашений и норм гендерного поведения закрепляют вертикальную и профессиональную сегрегации по признаку пола, гендерный разрыв в оплате труда. Государство при помощи системы государственного принуждения воспроизводит систему только формального гендерного равенства. Так, одной из основных целей подпрограммы «Материнский капитал» является поддержка женщины, принявшей решение родить второго ребенка. Как подчеркивал В. В. Путин в Послании Федеральному собранию в 2006 г., заинтересованное в повышении рождаемости государство «должно предоставить в ее распоряжение, так сказать, первичный, базовый, “материнский капитал”, который *реально повысил бы ее социальный статус* (выделено нами. — Е. Б.), помог бы решать будущие проблемы» [11]. Данное высказывание еще раз акцентирует позицию Правительства РФ в области гендерной политики. В результате такие меры, с одной стороны, обеспечивают компенсационное повышение рождаемости, с другой — дополнительно в условиях экономического кризиса снижают напряженность российского рынка труда, поскольку женщины при этом освобождают рабочие места для мужчин. Неслучайно многие гендерологи констатируют ренессанс патриархата в современной России.

Кроме того, воспроизводство традиционного типа гендерной власти на протяжении всех этапов развития цивилизации сформировало предпосылки для осуществления внутренней власти путем воздействия на социальные потребности, ценности и внутренние нормы поведения женщин, создав у них внутреннюю потребность в образе действий, соответствующих гендерной диспозиции власти. В этом случае механизмом за соблюдением правил является самоконтроль, т. е. встроенность гендерных правил поведения в самоидентичность женщины.

Институциональная среда четко закрепляет, какие институциональные роли должны при этом «играть» современные мужчины и женщины: мужчина — кормилец семьи, женщина — работающая мать. Отметим, что они продолжают воспроизводить дихотомию гендерного разделения сфер экономики на продуктивную и репродуктивную, которая была закреплена еще в доиндустриальной экономике. И если в этот период развития общества данное разделение трудовой занятости мужчин и женщин обеспечивало наибольший социально-экономический эффект для семей и общества, то в настоящее время сохранение институциональной среды, поддерживающей воспроизводство гендерной асимметрии, действующей на основаниях доиндустриальной экономики, — «экономическое зло», т. к. оно «увеличивает величину издержек (трансформационных и транзакционных), необходимых для получения единицы дохода (богатства, полезности, выгоды), при социально-продуктивной деятельности экономического агента» [6, с. 189]. Как показывают исследования, можно выделить следующие антиэффекты действующего в России института гендерной власти:

1) *на микроуровне экономики:*

— низкую рентабельность человеческого капитала женщин в результате существующей гендерной дискриминации в общественном и репродуктивном секторах региональной экономики;

— недоиспользование человеческого капитала мужчин в результате низкой продолжительности жизни и сверхсмертности в трудоспособном возрасте;

— неустойчивость института брака, которая «ведет к разрушению социальных основ общества и нормального воспроизводства населения, что, в свою очередь, сужает базу демографических процессов, приводя к депопуляции и деградации генофонда» [10, с. 19];

2) *на макроуровне экономики:*

— усиление социального неравенства, в том числе за счет перекалывания издержек по воспроизводству и поддержанию рабочей силы с работодателей на сектор домохозяйств, прежде всего на женщин;

— сокращение результативности мер фискальной политики [9];

— ограничение темпов развития экономики.

Следовательно, дальнейшее развитие категории власти как предмета гендерной экономики позволит не только восполнить пробелы в анализе данной фундаментальной категории, но и значительно обогатит инструментарий экономики власти с учетом современных тенденций мирового развития. Заметим, что мы показали только некоторые области приложения методологии экономики власти к исследованию гендерных проблем общественного развития. Следующим этапом в ее развитии является рассмотрение таких вопросов, как генезис института гендерной власти, система ее институтов, анализ возможности перераспределения издержек подчинения и ренты власти между мужчинами и женщинами, определение траектории оптимизации издержек, связанных с воспроизводством гендерного неравенства в современной экономической системе, изучение которых, на наш взгляд, позволит комплексно исследовать систему воспроизводства «самой загадочной» власти в экономике. Тогда, возможно, процесс реформирования системы власти в России будет более эффективным.

Библиографический список

1. *Айвазова С. Г.* Патриархат // Слов. гендерных терминов. М. : Информация — XXI век, 2002. С. 169—171.
2. *Базуева Е. В.* Методологические подходы к исследованию категории власти в гендерной экономике // Актуальные проблемы современной гендерологии : материалы 54-й ежегодной научно-методической конф. «Университетская наука — региону». М. ; Ставрополь : СГУ, 2009. Вып. 4. С. 15—25.
3. *Беккер Г.* Человеческое поведение: экономический подход : пер. с англ. М. : ГУ-ВШЭ, 2003. 672 с.
4. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма : пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2001. 304 с.
5. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М. : Прогресс, 1976. 1200 с.
6. *Дементьев В. В.* Экономика как система власти / Министерство образования и науки Украины ; Донецкий национальный технический университет. Донецк : Каштан, 2003. 404 с.

7. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Категория власти в гендерных исследованиях // Гендер как инструмент познания и преобразования общества : материалы Международной конф. «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество», Москва, 4—5 апр. 2005 г. / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М. : МЦГИ ; Солтекс, 2006. С. 104—115.
8. *Миллет К.* Теория сексуальной политики // Хрест. к курсу «Основы гендерных исследований» / под ред. О. А. Ворониной. М. : МЦГИ, 2000. С. 33—47.
9. *Ржаницына Л. С.* Гендерные бюджеты в России. URL: <http://www.owl.ru/rights/discussion2004/index.htm> (дата обращения: 28.11.2005).
10. *Римашевская Н. М.* Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Гендерные стереотипы в современной России / сост., общ. ред. И. Б. Назарова, Е. В. Лобза ; ГУ-ВШЭ. М. : Макс-Пресс, 2007. С. 7—23.
11. Российская газета. 2006. 10 мая. 32 с.
12. *Сен А.* Развитие как свобода / пер. с англ. ; под ред. Р. М. Нуреева. М. : Новое изд-во, 2004. 432 с.
13. *Тоффлер Э.* Мегаморфозы власти : пер. с англ. М. : АСТ, 2001. 669 с.
14. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 408 с.

ББК 60.542.21

Д. С. Дронов

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТИЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ У РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН

На сегодняшний день в России формируются своеобразные стереотипы престижного потребления ювелирных изделий, которые связаны с различными стилями жизни. Такие особенности формирования стилей жизни объясняются тем, что Россия более двадцати лет идет очень сложным путем перестраивания рыночных и межличностных отношений. Это неизбежно сопряжено с многочисленными трудностями, которые по-разному решаются в различных социальных группах. Одна из таких проблем — увеличивающееся расслоение общества. Этому есть объективные причины. После распада СССР, где большинство людей имели более или менее равные статусные условия (если не равные, то это всеми силами скрывалось), основная масса населения столкнулась с новыми межличностными отношениями и условиями хозяйствования. В России с началом развития рыночных отношений большое количество государственных предприятий перешло в частное владение. Это выразилось в том, что множество людей превратились в наемных рабочих и служащих, которые работают на конкретного «хозяина». Вместе с тем у таких людей по инерции сохраняется стремление рассматривать свою деятельность в новых условиях как явление временное, незакономерное, связанное с превратностями индивидуальной судьбы. Естественно, что такой человек, становясь «работником хозяина», все еще будет

© Дронов Д. С., 2011